

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

Пров. 50
А

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Повременное изданіе.

1860.

ЯНУАРИЙ — МАРТЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1860.

ВОЕННОЕ ПРЕДПРИЯТІЕ

ПРОТИВУ ХИВЫ.

Въ Высочайше Его Императорскимъ Величествомъ 12 Марта, 1839 года, утвержденномъ журналѣ особаго Комитета, учрежденнаго въ слѣдствіе представленнаго Оренбургскимъ Военнымъ Губернаторомъ соображенія и состоявшаго изъ Г. Вице-Канцлера, Г. Военнаго Министра и Оренбургскаго Военнаго Губернатора, опредѣлено было:

«1. Приступить немедленно, со всевозможною дѣятельностію, ко всѣмъ приуготовленіямъ для поиска на Хиву, основать нынѣ же необходимые на пути склады и становища.

2. Содержать истинную цѣль предпріятія въ тайнѣ, дѣйствуя подъ предлогомъ посылки одной только ученой экспедиціи къ Аральскому морю.

3. Отложить самый походъ до окончанія дѣлъ Англіи въ Авганистанѣ, дабы вліяніе, или впечатлѣніе, дѣйствій нашихъ въ средней Азіи имѣло болѣе вѣсу, и дабы Англія собственными завоеваніями своими лишила себя права беспокоить Правительство наше требованіемъ разныхъ объясненій, но ни въ какомъ случаѣ не откладывать походъ далѣе весны 1840 года.

4. Въ случаѣ удачи предпріятія, смѣстить Хана Хивы и замѣнить его надежнымъ Султаномъ Кайсацкимъ, упрочить по возможности порядокъ, освободить всѣхъ плѣнныхъ, дать полную свободу торговлѣ нашей.

5. Опредѣлить, на основаніи смѣты, на предпріятіе это 1,698,000 руб. асс. и 12 т. червонныхъ; снабдить отрядъ орудіями и необхо-

димыми снарядами, разрѣшить Военнаго Губернатора пользоваться всѣми пособіями отъ мѣстнаго Артиллерійскаго и Инженернаго начальствъ, и наконецъ

6. Предоставить повѣрку и окончательное утвержденіе всѣхъ отчетовъ по сему дѣлу Оренбургскому Военному Губернатору, который обязанъ въ послѣдствіи представить о порядкѣ повѣрки этой особое соображеніе.»

И такъ, по крайнему сроку, отъ весны до весны, оставалось бы всего годъ времени на всѣ приуготовленія для этого предпріятія; но обстоятельства заставили окончить все и выступить въ походъ черезъ 8 мѣсяцевъ со дня утвержденія журнала. Если бы отрядъ выступилъ изъ Оренбурга въ самомъ началѣ тамошней весны, то пришелъ бы въ безводныя южныя степи во время тамошняго знойнаго лѣта; а во вторыхъ, дальнѣйшая отсрочка повела бы за собою довольно значительныя издержки, какъ по наемкѣ верблюдовъ, такъ и по продовольствію гарнизоновъ основанныхъ уже въ степи складочныхъ мѣстъ; а то и другое не могло быть сдѣлано зимою, а только заблаговременно, въ теченіе весны и лѣта.

Путь былъ избранъ для похода этого: отъ Оренбурга внизъ по Илеку, поперегъ черезъ Сыртъ, отдѣляющій вершины рѣки этой отъ верховьевъ Эмбы, внизъ по сей послѣдней, до впаденія въ нее Аты-Яхши, тамъ черезъ солончаковую равнину къ сѣверо-западному заливу Аральскаго моря, Каратачаку и черезъ Усть-Уртъ или плоскую возвышенность между Каспіемъ и Араломъ, придерживаясь западныхъ береговъ послѣдняго. Всего, отъ Оренбурга до Хивы, 1200 или 1300 верстъ.* Время года — поздняя осень и зима, какъ единственное время, когда отрядъ не подвергается опасности быть изнуреннымъ отъ недостатка воды. Числительность войскъ составляетъ въ походѣ этомъ обстоятельство второстепенной важности, и вопросъ состоялъ только въ томъ, какимъ образомъ дойти и довести двѣ, три тысячи человѣкъ здоровыхъ и годныхъ въ дѣло?

* Путь до Бохари составляетъ, по одометру, 1300 верстъ.

Кратчайшій, а потому на первый взгляд и выгоднѣйшій, путь, отъ Новоалександровска или Мангишлака, съ высадкою туда войскъ, не былъ избранъ по тому, что недостатокъ воды и кормовъ, сколько по всѣмъ свѣдѣніямъ извѣстно, по тѣмъ путямъ еще гораздо значительнѣе, а на снѣгъ уже вовсе нельзя надѣяться; и во вторыхъ, по невозможности снабдить отрядъ на мѣстѣ высадки верблюдами, которые должны бы были отправлены туда заблаговременно при сильномъ конвоѣ, то есть, со значительною частию того же отряда, и не нашли бы ни коимъ образомъ на сборномъ мѣстѣ достаточнаго для себя корма.

Затѣмъ немедленно приступлено было къ слѣдующимъ приуготовленіямъ и распоряженіямъ, на основаніи полученныхъ разрѣшеній.

ПОДЪЕМНЫЯ СРЕДСТВА.

Въ предположенномъ походѣ необходимо было замѣнить всѣ обозы верблюжьими караванами. Верблюдовъ требовалось, полагая на каждаго ноши отъ 12 до 15 пудовъ, во всякомъ случаѣ болѣе 10 тысячъ, количество, которое едва ли когда было въ здѣшнемъ краѣ въ сборѣ. Султаны-Правители, въ особенности же Полковникъ Айчуваковъ, принялись съ усердіемъ за дѣло это и собрали, съ платою по 10 руб. серебр. найма за голову, всего до 12,600 верблюдовъ, въ томъ числѣ были 1000, пожертвованные безденежно ордою Хана Джангера; но въ походъ выступили всего 10,450 верблюдовъ; остальные частию оказались негодными, частию не прибыли къ сроку. Погонщиковъ, Кайсаковъ, было при караванахъ этихъ 2000 человекъ. Такъ какъ верблюдъ везетъ впятеро болѣе व्यюка, а между тѣмъ въ здѣшнемъ краѣ въ упряжь не употребляется, то выписана была для образца Крымская арба съ верблюдами и по ней сдѣлано здѣсь нѣсколько другихъ; въ послѣдствіи, однако же, оказалось, что въ пескахъ, грязи и глубокомъ снѣгу безъ дороги верблюдъ въ упряжь не годится. Затѣмъ распределены и приготовлены व्यюки; для этого надлежало рассчитать и раздѣлить всѣ тяжести единообразно, укупорить ихъ, пригнать и устроить на व्यючку по особому способу, на кляпахъ, потому что завязка и развязка мерзлыхъ веревокъ въ сильную стужу

медленна и очень затруднительна. Для лазарета приготовлены длинныя фуры; остальное, за исключеніемъ части артиллеріи, лодокъ и понтоновъ, все поднято на вьюкъ.

ПРОДОВОЛЬСТВІЕ.

По расчету на 5 тысячъ съ небольшимъ человекъ въ полугодичное продовольствіе, на гарнизоны двухъ становищъ, на возчиковъ, лошадей и верблюдовъ, требовалось болѣе 12 тысячъ четвертей хлѣба, 3 тысячи четвертей крупъ, 8 тысячъ ведръ вина, до 14 тысячъ пудъ мяса и до 16 тысячъ четвертей овса. Внезапное требованіе такого количества продовольствія встрѣтило много затрудненій, въ особенности при бывшихъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду неурожаяхъ. На поставку подрядами, какъ изъ каждагодныхъ опытовъ извѣстно, въ здѣшнемъ краѣ надѣяться нельзя, а надлежало разослать немедленно надежнѣйшихъ чиновниковъ для закупки хлѣба изъ первыхъ рукъ. Такимъ образомъ запасы были закуплены, хотя и не безъ труда, еще во время, и перевезены болышею частію въ Оренбургъ по пути, высланными изъ Башкиріи для основанія складовъ обозами. Для продовольствія отряда мясомъ, съ принятіемъ на себя вообще обязанности маркетанта, былъ приглашенъ здѣшній 1-й гильдіи купецъ Деевъ, который одинъ только, по обширныхъ связямъ и торговлѣ своей въ степи, могъ это на себя принять, согласившись, сверхъ того, на цѣны, по коимъ мясо едва только могло быть поставлено здѣсь на мѣстѣ.

Затѣмъ выстроены были подъ открытымъ небомъ огромныя печи и мука, взятая частію изъ неприкосновенныхъ корпусныхъ запасовъ и вскорѣ пополненная, перепечена въ сухари, а часть, по краткости времени, роздана была для этого разнымъ командамъ. Независимо отъ этого, было еще заготовлено для отряда двухмѣсячное продовольствіе въ Астрахани и отправлено на десяти судахъ въ Новоалександровскъ, но суда, за противными вѣтрами, не достигли назначенія своего: два изъ нихъ возвратились въ Астрахань, два въ Гурьевъ, одно перезимовало у острова Кулалы, а пять замерзло въ морѣ и были разграблены и сожжены Адайцами.

Кромѣ этихъ заготовленій, принимая въ соображеніе трудности зимняго степнаго похода и могущій встрѣтиться недостатокъ, были также припасены: сухой бульонъ, сало, сушеная квашеная капуста, хрѣнь, крутъ *, соль, перецъ, медъ съ приправой для сбитня, табакъ для нижнихъ чиновъ, наконецъ поднято на вьюки до пуда сѣна, уложеннаго посредствомъ гидравлическаго гнета.

ОРУДІЯ И СНАРЯДЫ.

По недостатку въ Оренбургскомъ корпусѣ, какъ осадныхъ, такъ и по возможности легкихъ, удобныхъ для перевозки, орудій, собственно для экспедиціи доставлены были: 2 батарейныя орудія и 8 горныхъ десятифунтовыхъ единороговъ. Последнія съ большимъ удобствомъ подняты были на вьюки. Три комплекта боевыхъ снарядовъ для всей походной артиллеріи и столько же патроновъ были частью заготовлены здѣсь, частью на ближайшихъ заводахъ: 250 ракетъ Генерала Шильдера, 500 ракетъ сигнальных и 500 фальшфейеровъ, два гальваническіе снаряда и минный инструментъ также были отпущены и съ тѣмъ назначены Оберъ-Офицеръ и 5 миперовъ изъ Лейбъ-Гвардіи и учебнаго Саперныхъ баталіоновъ. Часть ружейныхъ пуль обращена была въ крупную картечь для преимущественнаго употребленія противу толпы конницы.

РАЗНЫЕ ПРИПАСЫ.

Для переправъ изготовлены при Лейбъ-Гвардіи Саперномъ баталіонѣ 6 холщевыхъ понтоновъ, холщевая лодка и 300 бурдюковъ; построены въ Оренбургѣ четыре разборныя лодки по 35 фут. длины съ полнымъ вооруженіемъ и взяты Уральскіе рыболовные челны, по легкости своей, безъ затрудненія поставленные на колеса и служившіе лазаретными фурами; взяты въ запасъ канаты и веревки, навигаціонные инструменты для описи Аральскаго моря и назначенъ въ экспедицію флотскій Штабъ-Офицеръ; закуплено до 20

* Сушеный сыръ, служащій съ большою пользою для приправы дурной воды.

тысячъ сажень кошмы (войлока), для походныхъ кибитокъ, подстилки, попоны верблюдамъ и проч. заготовлены лубочные короба для 5 тысячъ выюковъ, на тотъ же предметъ до 150 тысячъ сажень веревокъ, значки для всѣхъ отдѣленій каравана по родамъ тяжестей, шанцовый инструментъ, ведра кожаныя и желѣзныя, дрова, уголь и множество мелочей, и, наконецъ, устроена походная, со всею утварью церковь, къ которой былъ назначенъ и Священникъ. Лазаретныя вещи заготовлены на сто человѣкъ, а медикаментовъ достаточное количество для самаго огромнаго числа больныхъ.

ОДЕЖДА.

Для нижнихъ чиновъ необходимо было построить особую теплую одежду; Казаки запаслись на свой счетъ полушубкомъ, зипуномъ отъ непогоды, башлыкомъ, широкими шароварами и сапогами съ теплыми подвертками и выворотными рукавицами; для солдатъ построены были: стеганки по колѣно на шерсти, овчинныя куртки, на сѣбѣ первымъ, широкіе шаровары, просторные сапоги, по двѣ пары сухонныхъ обертокъ на ноги, теплыя фуражки съ широкими наматыльниками и овчинныя рукавицы на сукнѣ. Шинели были разставлены, чтобы надѣвать ихъ, въ случаѣ нужды, сверхъ всего теплаго платья, и, для предохраненія отъ крайне вреднаго для глазъ солнечнаго блеска въ сѣжныхъ степяхъ, всѣ снабжены были черными волосяными наглазниками.

ПОВЕДѢНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ составлено было шифрованное письмо для тайной переписки съ отрядомъ; закуплены на Нижегородской ярмаркѣ подарочныя для Азіатцевъ вещи, получены, сверхъ того, вещи для подарковъ изъ Императорскаго Кабинета и 50 знаковъ отличія военного Ордена; были составлены особыя правила о порядкѣ слѣдованія и расположенія отряда, о употребленіи ночныхъ сигналовъ, порядкѣ продовольствія и проч., обнародовано наканунѣ выступленія отряда составленное въ Министер-

ствѣ Иностранныхъ. Дѣль объявленіе о предстоявшемъ воинскомъ поискѣ, послано объявленіе о томъ же Бохарскому Хану, напечатано подобное для Кайсаковъ и другихъ народовъ, съ общаніемъ пощады и защиты всѣмъ послушнымъ и покорнымъ, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе о присылкѣ для обнародованія по краю, въ предупрежденіе толковъ и ложныхъ слуховъ, извѣстіе о слѣдованіи и дѣйствіяхъ отряда, и повелѣнія, чтобы, въ отсутствіи Военнаго Губернатора, военною и пограничною частями управлять Начальникъ Корпуснаго Штаба, а гражданскаго Гражданскій Губернаторъ, и Военному Губернатору на время похода присвоена власть Командира Отдѣльнаго корпуса въ военное время.

ОСНОВАНІЕ СКЛАДОВЪ.

Между тѣмъ, для основанія въ двухъ, избранныхъ по предварительнымъ свѣдѣніямъ, мѣстахъ продовольственныхъ складовъ, а именно: при впаденіи Аты-Яхши въ Эмбу и еще 180 верстъ далѣе на ключѣ Акбулакѣ, отправлены были, одинъ за другимъ, пять обозовъ, выкомандированныхъ изъ Башкирскаго войска, всего 23,290 лошадей, или слишкомъ 7500 парныхъ и троеконныхъ подводъ, которыя подняли до 30 тысячъ четвертей продовольствія и до 8 тысячъ пудовъ разныхъ тяжестей. Съ первымъ обозомъ и опредѣленнымъ для укрѣпленій гарнизономъ выступилъ, 25 Мая, состоящій по кавалеріи Полковникъ Геке, между тѣмъ какъ Оберъ-Квартирмейстеръ Корпуса, Полковникъ Жемчужниковъ, съ отрядомъ Казаковъ и Башкиръ, дѣйствуя отдѣльно, служилъ, однако же, прикрытіемъ обозамъ этимъ со степной стороны и, кромѣ того, заготовилъ на Биштамакѣ (по Илеку) и на Эмбѣ до 50 тысячъ пудовъ сѣна. Оба склада охранялись полевымъ бастіонированнымъ укрѣпленіемъ, а которое на Эмбѣ, было устроено еще съ редюитами. Акъ-Булакъ избранъ былъ Геке, вмѣсто предполагаемаго урочища, Донгуръ-Тау, по мѣстнымъ обстоятельствамъ; сѣна тутъ накошено до 30 тысячъ пудовъ, но солонцеватая вода этого ключа оказалась въ послѣдствіи губительною для людей. Впрочемъ, вся солончаковая низменность отъ Эмбы до Чинка, состоя изъ самой бѣдной, нагой, илистой почвы, почти безводной, представляетъ едва ли не одинаковыя неудобства, а на всей ширинѣ ея

нѣтъ ни одной, удобной для становища, точки. На Эмбѣ оставлена рота пѣхоты, 350 Оренбургскихъ Казаковъ и 4 гарнизонныхъ орудія; на Акъ-Булакѣ двѣ роты пѣхоты, 200 Башкиръ и 4 орудія. Въ каждомъ укрѣпленіи было по медику со всѣми припасами, а для улучшения пищи лукъ, чеснокъ, капуста, вино, уксусъ.

Такимъ образомъ къ половинѣ Ноября, предположенному, по всѣмъ соображеніямъ сроку для выступленія отряда, все было готово; но, въ то же время, разныя свѣдѣнія показывали напередъ, чего должно было ожидать въ подобномъ походѣ. Изъ Башкиръ, ходившихъ съ обозами, умерло, въ теченіе 5 мѣсяцевъ на пути, 196 человекъ, т. е., сороковой; лошадей ихъ пало до 9000, т. е., менѣе половины, но болѣе трети. Въ гарнизонѣ на Эмбѣ заболѣлъ уже одиннадцатый, а на Акъ-Булакѣ седьмой—тутъ цынгою, тамъ цынгою, поносами, горячками, но смертности еще не было. Если лошади пали отъ жаровъ, безводья, безкормицы, вытоптаныхъ и выгорѣвшихъ степей, а потомъ отъ внезапныхъ мокрыхъ вьюгъ и стужи; если даже и Башкиры, состоявшіе, большею частію, въ вѣдѣніи своихъ же, менѣе радивыхъ и надежныхъ, Офицеровъ, могли терпѣть иногда недостатокъ, и уже самая потеря лошадей была для нихъ гибельна, то, по крайней мѣрѣ, для гарнизоновъ укрѣпленій было сдѣлано болѣе, чѣмъ въ какихъ либо иныхъ походахъ нашихъ, а между тѣмъ и тамъ обстоятельства были дурны. Повѣрье Киргизовъ оправдалось: они говорятъ, что въ такихъ мѣстахъ нельзя стоять на одномъ мѣстѣ, а можно только кочевать.

ПЕРЕДОВОЙ ОТРЯДЪ.

21 Октября выступилъ изъ Оренбурга передовой отрядъ подъ начальствомъ Подполковника Данилевскаго; въ немъ было Оберъ-Офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 357 при четырехъ орудіяхъ и 1128 верблюдовъ съ продовольствіемъ. Время стояло хорошее, снѣгу еще не было, но до Эмбы нѣтъ въ водѣ недостатку, и небольшой караванъ этотъ дошелъ вполне благополучно.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ОТРЯДА.

Съ 14 по 17 Ноября выступалъ отрядъ четырьмя отдѣльными колоннами изъ Оренбурга, послѣ молебствія на городской площади,

передъ которымъ прочитанъ былъ всѣмъ частямъ войскъ приказъ о предметѣ похода. Начальниками были: Генералъ-Лейтенантъ Толмачевъ, въ то же время начальникъ пѣхоты отряда; Генералъ-Маіоръ Цюмковскій, начальникъ конницы; Полковникъ Кузминскій, начальникъ артиллеріи и парка; Полковникъ Мансуровъ. Въ послѣдствіи командующіе колоннами, по разнымъ обстоятельствамъ, смѣнялись и командовали: Генералъ-Маіоръ Молоствовъ, Полковники Геке и Бизановъ. Уральскіе полки прошли прямо изъ Калмыковой станицы на укрѣпленіе при Эмбѣ. Всего состояло: Генераловъ 4, Штабъ-Офицеровъ 14, Оберъ и За урядъ-Офицеровъ 132, Уитеръ-Офицеровъ и Урядниковъ 147, музыкантовъ 68, рядовыхъ 4,424, орудій разнаго вида и калибра 38.

При выступленіи отряда погода стояла ясная, снѣгу еще не было, но съ 19 числа пошелъ снѣгъ и ненастье, а во время первой дневки въ Илецкѣ было уже $29\frac{1}{2}^{\circ}$ стужи. Безводье южныхъ степей до того занимало воображеніе, что всѣ радовались снѣгу и еще опасались, выпалъ ли онъ также за Акъ-Булакомъ и на Четь-Уртѣ. На Караванномъ озерѣ, въ одномъ переходѣ отъ линіи, противъ Григорьевской станицы, весь отрядъ соединился и выступилъ въ порядкѣ послѣдовательномъ, въ четырехъ колоннахъ. Караваны шли по бокамъ въ 6 и до 10 рядовъ, артиллерія, порохъ, лазаретъ въ срединѣ, войска въ авангардѣ, аррьергардѣ, а третья часть отдѣлялась въ караваны для подвѣючки. Въ 2, или 3, часа ночи били сборъ, въ 5, или 6 генераль-маршъ, въ часъ, два, иногда и 3 по полудни, отрядъ становился покормить засвѣтло верблюдовъ и на ночлегъ. Со дня на день, однако же, рыхлый, глубокій снѣгъ, по которому подлежало прокладывать путь цѣликомъ, и жестокая стужа болѣе и болѣе затрудняли движеніе отряда; пѣхота очень уставала, хотя треть ея сидѣла постоянно, смѣняясь, на верблюдахъ; но и это имѣло большія неудобства: люди, непривычные къ трудамъ и походамъ, садились, послѣ сильнаго движенія, въ испаринѣ на верблюдовъ, остывали и даже замораживали себѣ члены, хотя послѣднее, по строгому надзору, случалось рѣдко. Неопытность и непривычка здѣшной пѣхоты, для которой первый урокъ этотъ казался слишкомъ труднымъ, не умѣла ни къ чему приступить, ни

сберечь себя отъ простуды, ни сварить щей на бурьянѣ, навозѣ и кореньяхъ, которые надлежало выкопать напередъ изъ подъ аршиннаго снѣгу, Военская дисциплина также была нѣсколько въ упадкѣ; часовой не понималъ важности своего поста и, послѣ многихъ подверженій и взысканій, начальникъ отряда принужденъ былъ показать примѣръ надъ часовымъ, бѣжавшимъ съ цѣпи и покинувшимъ ружье: онъ былъ, по военному суду, разстрѣлянъ.

Не смотря на всѣ затрудненія эти, однако же, весь отрядъ соединился, 19 Декабря, подъ укрѣпленіемъ на Эмбѣ; и здѣсь только, въ продолженіе новыхъ приуготовленій и сборовъ на вторую половину пути, открылось сомнительное положеніе отряда. Степь, до послѣдней былинки, была погребена въ снѣгу, который зачерствѣлъ сверху отъ жестокихъ вѣтровъ и морозовъ; верблюды и лошадь проваливались за каждымъ шагомъ по колѣно и по брюхо, сбивали себѣ щетки и копыта, выюки падали, а корму, даже самаго скуднаго, не стало вовсе. Служа стояла столь необыкновенная, что средній морозъ за три мѣсяца, считая съ половины Ноября, составляетъ почти 19° Реомюра на день. 18 Марта, въ первый разъ, съ Ноября мѣсяца, была оттепель, а по расчету въ сложности за первую половину Марта средняя температура выходитъ болѣе 12° стужи. Все это страдъ перенесъ, однако же, на разстояніи первыхъ 500 верстъ, въ полной увѣренности, что за Эмбой, куда Кайсаки уходятъ ежегодно тысячами на зимовку, все это должно измѣниться, по крайней мѣрѣ, снѣгъ долженъ быть менѣе глубокъ. Оказалось противное: Киргизы сами гибли со скотомъ своимъ отъ необычайной зимы, какой въ странахъ этихъ не бывало. Родоначальники Назаровцевъ, явившіеся въ отрядъ на поклонъ, были готовы на всякую помощь, выставили въ послѣдствіи еще нѣсколько сотъ верблюдовъ, но объявляли положительно, что итти далѣе нельзя, что такой же снѣгъ лежитъ не только до Чинка, но и на самомъ Усть-Уртѣ. Верблюды, стоя на мѣстѣ, валились сотнями на день. Возчики или погонщики, служившіе доселѣ при отрядѣ усердно, переносившіе, со своею этому народу стойкостью, всѣ лишения, начали бѣгать, увозя съ собою даже верблюдовъ; а когда назначенъ былъ день выступленія 1-й колонны съ Эмбы, то они возмутились и отказались

слѣдовать далѣе. Если отряду и не суждено было достигнуть цѣли своей, то, по крайней мѣрѣ, невозможно было возвратиться, по той причинѣ, что возчики не соглашались далѣе итти; но какъ всѣ убѣжденія оставались тщетными и толпа крикуновъ увеличивалась ежеминутно, то Начальникъ отряда еще разъ вынужденнымъ нашелся приступить въ крайности этой къ крайнему средству: двое зачинщиковъ, упорствовавшихъ до послѣдней минуты, были разстрѣляны, остальные смирились, колонна выступила. Надлежало пройти впередъ до положительной невозможности. Съ 31 Декабря по 15 Января четыре колонны выступали послѣдовательно, съ тѣмъ, чтобы передавать другъ другу больныхъ, отправленныхъ изъ Акъ-Булака на Эмбу, потому что укрѣпленіе на первомъ предполагалось уничтожить вмѣстѣ съ выступленіемъ изъ него отряда. Больныхъ состояло уже болѣе 500, умерло болѣе 200; впрочемъ, главнѣйшая убыль произошла въ гарнизонахъ укрѣпленій.

Между тѣмъ 18 Декабря неожиданно появились Хивинскія войска, болѣе 2 тысячъ человѣкъ, у Акъ-Булака. Отрядъ этотъ высланъ былъ Ханомъ для уничтоженія двухъ укрѣпленій нашихъ, о малочисленности гарнизоновъ коихъ онъ получилъ, наконецъ, черезъ Кайсаковъ свѣдѣніе. Ханъ Аллакулъ выслалъ войско, но самъ слегъ отъ страха, какъ положительно говорятъ плѣнники наши, и молился усердно о спасеніи своемъ, созывая по ночамъ совѣты. Хивинцы сперва хотѣли отрѣзать, выставленный неподалеку укрѣпленія на высотѣ, конный ведетъ, потомъ кидались, въ продолженіе дня, нѣсколько разъ на самое укрѣпленіе, тамъ пытались занять стрѣлками оврагъ и стоявшія близъ укрѣпленія сѣна; но все это было безуспѣшно, и на другой день вечеромъ, получивъ свѣдѣніе о идущемъ въ Акъ-Булакъ конвоѣ за больными, состоявшемъ изъ одной роты пѣхоты и сотни Казаковъ, встрѣтили команду эту въ 15 верстахъ отъ укрѣпленія и, не смотря на всѣ усилія свои, успѣли только въ первый ударъ отогнать съ паствы 40 верблюдовъ и 30 лошадей, но при всѣхъ покушеніяхъ своихъ, бывъ отбиты со значительнымъ урономъ и оставивъ даже, противъ обычая и вѣры своей, нѣсколько труповъ подъ нашими выстрѣлами, отступили на другой день и дали конвою пройти на Акъ-Булакъ, не обезпокоивъ его на пути ни одного

разу. Съ нашей стороны убито 5 человекъ, ранены 13. О Хивинскомъ отрядѣ болѣе не было слуховъ; послѣ уже узнали, что онъ, испытавъ такую неудачу, возвратился немедленно въ чрезвычайномъ разстройствѣ, потерявъ отъ стужи и безкормицы почти всѣхъ лошадей и много людей.

Колонны наши достигали Акъ-Булака, во 180-ти верстахъ отъ Эмбы, въ 15 — 17 дней; верблюды такъ отошали, что ихъ должно было съ чрезмѣрнымъ трудомъ выючить стоя, иначе они со व्यюками уже не вставали; снѣгъ былъ еще гораздо глубже, стужа постоянно болѣе 20, корму рѣшительно никакого. Авангардъ смѣнялся безпрестанно, лошади были въ мылѣ, караваны тянулись по тропамъ нитками, верблюды падали, загораживали дорогу, весь арбергартъ завьюченъ былъ продовольствіемъ и разными припасами съ павшихъ на ходу верблюдовъ, Казаки шли пѣши. Изъ Оренбурга вышло 10,450 верблюдовъ, съ Эмбы отрядъ поднялся на 8900, на Акъ-Булакѣ осталось ихъ уже съ небольшимъ 5000 и ежедневно издыхало болѣе сотни. Отрядъ поднялъ съ Эмбы продовольствія только на два мѣсяца; запасъ, отправленный въ Новоалександровскъ, туда не дошелъ; верблюды, шедшіе къ отряду на подмогу, не прибыли, а бывший при нихъ чиновникъ захваченъ Кайсаками и переданъ Хивинцамъ; помощи ни откуда нельзя ожидать ни какой; впередъ 600 верстъ пути до непріятельской земли, которую надобно будетъ еще напередъ покорить; но и дойти туда нѣтъ никакой возможности: отрядъ можетъ поднять съ собою уже только мѣсячное продовольствие, не будучи въ состояніи пройти все разстояніе въ мѣсяцъ и теряя со дня на день болѣе верблюдовъ. Уральскаго войска Полковникъ Бизяновъ, съ надежнымъ Офицеромъ Генеральнаго Штаба, былъ посланъ съ 1½ сотнями для развѣдки впередъ: онъ дошелъ до Чинку, поднялся, сдѣлалъ цѣлый переходъ по Усть-Урту и, покинувъ отборныхъ бывшихъ съ нимъ верблюдовъ, привезъ только удостовѣреніе, что снѣга впереди вовсе непроходимы.

Безславная гибель цѣлаго отряда въ снѣжныхъ степяхъ была бесполезна, а потому продолжать путь, при очевидной невозможности, безразсудно. 4-го Февраля начали колонны выступать поденно обратно; укрѣпленіе на Акъ-Булакѣ было упразднено и шестине-

дѣльное продовольствіе для цѣлаго отряда брошено, потому что его не на чемъ было поднять.

Къ 18 Февраля отрядъ стянулся на Эмбѣ; стужа все еще доходила временемъ до 25° и перемежалась гибельными для скота буранами; топлива, кромѣ корешковъ, вырываемыхъ изъ подъ снѣгу, почти вовсе не было, и всѣ стараемые запасы, лодки, понтонная настилка, капаты, употреблены для варенія людямъ пищи. Обратнымъ путемъ до Эмбы пало въ 12 дней 1780 верблюдовъ. Къ счастью, на Эмбѣ оставалось еще продовольствія для отряда на 3½ мѣсяца; укрѣпленіе было очищено, отрядъ перешелъ, не безъ труда, на правый берегъ Эмбы, на свѣжее мѣсто, устроены просторные камышевые балаганы для лазаретовъ; излишніе котлы передѣланы на печи, а часть верблюжьихъ телѣгъ, брошенныхъ здѣсь уже прежде, на койки, для перевозки больныхъ व्यокомъ; верблюды отогнаны въ камыши, чтобы сохранить изъ нихъ сколько можно, а Султаны-Правители, изъ коихъ Айчуваковъ, съ сотнею Кайсаковъ, во все время находимся при отрядѣ и былъ во многихъ случаяхъ полезенъ, поставили 850 свѣжихъ верблюдовъ, которыхъ съ оставшимися въ живыхъ и съ отогнанными въ послѣдствіи еще экзекуционными отрядомъ у Кайсаковъ, плѣнившихъ Аитова, набралось всего 4800 головъ, на которыхъ, съ помощію высланныхъ еще съ линіи Казачьихъ подводъ, отрядъ поднялся, со всѣми тяжестями, 18 мая и прибылъ въ іюнѣ благополучно неподалеку Оренбурга на линію. Дивизіонъ 1-го Оренбургскаго полка отправленъ былъ въ концѣ Февраля, а 1-го Апрѣля, удостовѣрившись въ подъемныхъ для отряда средствахъ и сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія, Корпусный Командиръ отправился въ Оренбургъ, поручивъ начальство надъ отрядомъ Генералъ-Лейтенанту Толмачеву.

Въ продолженіе всего похода или шести мѣсяцовъ умерло всѣхъ чиновъ 1054, а по приходѣ въ Оренбургъ больныхъ, почти исключительно цынготныхъ, слано въ госпиталь 609 человекъ. Умершіе составляютъ, по числу всѣхъ бывшихъ въ отрядѣ чиновъ, пятую долю; собственно въ пѣхотѣ умеръ на 3½ одинъ; изъ 1-го Оренбургскаго полка, который ушелъ слишкомъ двумя мѣсяцами ранѣе, 26-й, изъ Казаковъ Оренбургскаго войска, которые пробыви

почти круглый годъ въ степи, въ гарнизонахъ укрѣпленій, слишкомъ 4-й, а изъ Уральцевъ, употребленныхъ преимущественно въ тяжелыя работы и еще въ особую экспедицію, какъ сказано будетъ ниже, умеръ только восьмидесятый. Лошадей пало въ отрядѣ не много, всего 204. Причины смертности, при хорошей и мясной пищѣ, составляютъ, безъ всякаго сомнѣнія, обстоятельства стихійныя, къ коимъ Уральскіе Казаки привыкли съ малыхъ лѣтъ, тогда какъ пѣхота здѣшняя сдѣлала первый во всю службу свою походъ, и въ первый разъ испытала суровость подобнаго климата и трудности воинскаго похода. Всемиловѣйше пожаловано было всѣмъ нижнимъ чинамъ отряда, за понесенные ими труды, полугодовой окладъ жалованья не въ зачетъ.

Султанъ, Полковникъ Айчуваковъ, былъ отправленъ, уже въ началѣ Марта, съ тремя сотнями Уральцевъ за сборомъ верблюдовъ у непокорныхъ намъ племенъ; въ концѣ Марта присоединился къ нему Уральскаго войска Полковникъ Бизяновъ еще съ двумя сотнями и двумя орудіями, прошелъ внизъ до половины теченія Эмбы, оттуда въ погоню за аулами, на одинъ переходъ по самому Усть-Урту, и, наконецъ, воротившись, вогналъ въ камыши устья Эмбы Адайцевъ и Черкесовъ, виновныхъ въ плѣненіи Айтова, и уничтожилъ ихъ аулы. Наказаніе виновныхъ было необходимо и исполнено удачно. Уральскіе полки отправлены были прямо на Нижнеуральскую линію. Окончательный расчетъ по издержкамъ предпріятія не могъ еще доселѣ быть представленъ: онъ составитъ до $1\frac{1}{2}$ милліона деньгами, а собственно Баршкирское войско, если оцѣнить пособіе его на деньги, принесло болѣе милліона.

Остается сказать нѣсколько словъ о самой неудачѣ этого похода: препятствія стихійныя такъ велики, непредвидимы и многосложны, что удача всегда будетъ зависѣть отъ случая; если бы въ 1839 году отрядъ выступилъ мѣсяцемъ ранѣе, то, вѣроятно, достигъ бы цѣли своей; но въ другой разъ, выступивъ ранѣе, отрядъ можетъ притти на безводныя мѣста и не найти тамъ снѣгу; оставалось бы только притти заблаговременно на послѣднее становище и выжидать тамъ снѣгу, хотя и это, относительно кормовъ для скота и болѣзней въ отрядѣ, было бы крайне затруднительно. Нѣтъ, ка-

сомнѣнія, что погибель Бековича основана была на бѣдственномъ состояніи, въ коемъ прибылъ отрядъ его въ Хиву; Бековичъ дошелъ, но дошелъ только, чтобы отдаться живой въ руки непріятеля; болѣе ему ничего не оставалось.

Послѣ происшествій, изложенныхъ въ отчетѣ за 1836 и 37-й годы, остается нынѣ еще представить въ связи продолженіе и развязку сношеній нашихъ съ Хивою.

Въ Августѣ 1838 года опять прибыли съ Бохарскимъ караваномъ два посланца Хивинскіе, Ишніазъ и Клычъ-Джанъ, съ 12 провожатыми и пятью Русскими. Въ письмѣ, безъ подписи и печати, прислали о присылкѣ Русскаго чиновника въ Хиву для сбора и полученія плѣнниковъ нашихъ; пятеро Русскихъ присланы были, впрочемъ, не отъ Хана, а отъ купца, коего родственникъ здѣсь задержанъ. Такъ называемые посланцы эти со свитою привезли цѣлый караванъ товаровъ своихъ, подъ именемъ Бохарскихъ. Съ самаго начала было неоднократно объявлено Хану, чтобы онъ не присылалъ пословъ до освобожденія Русскихъ; съ послѣднимъ посланникомъ было писано: «Доколѣ не исполните требованій нашихъ, не признаемъ пословъ вашихъ, и потому не посылайте ихъ: они будутъ задержаны на ряду съ прочими.» Отвѣтъ этотъ былъ Государемъ Императоромъ одобренъ, въ слѣдствіе чего Военный Губернаторъ и задержалъ всѣхъ прибывшихъ 13 человекъ, посадилъ ихъ туда, гдѣ содержались остальные, отпустивъ въ послѣдствіи, только одного, именно, посла отъ купечества, съ письмомъ, въ которомъ всѣ обстоятельства дѣла были снова изложены, а требованіе о выдачѣ всѣхъ Русскихъ повторено еще настойчивѣе.

Въ Августѣ 1839 года снова прибыли два посланца, Ишбай Бабаевъ и Сеидъ Маметгіазовъ, съ 80 Русскими, присланными отъ Хана. 32 человека изъ этого числа были взяты съ моря весною того же 1839 года, и Ханъ говорилъ простодушно въ письмѣ на Высочайшее имя, что посылаетъ свою долю, которую получаетъ отъ разбойниковъ въ видѣ подати, присовокупляя, кромѣ

обычнаго пустословія, что пришлетъ и еще болѣе, если они гдѣ со временемъ найдутся. Одинъ изъ посланцевъ, Сеидъ, купилъ, въ самый день отъѣзда изъ Хивы у Туркменъ, нѣсколько Русскихъ и оставилъ ихъ у себя. Онъ былъ самъ за это задержанъ, а Ишбай отпущенъ съ письмомъ прежняго содержанія. Поспѣшное отправленіе посланцевъ этихъ изъ Хивы послѣдовало на дошедшее туда извѣстіе объ основаніи укрѣпленій нашихъ на Эмбѣ и Акъ-Булакѣ.

Между тѣмъ, послѣ двухъ спокойныхъ на Каспійскомъ морѣ годовъ, послѣ положительныхъ извѣстій 1838 года, что Ханъ намѣренъ освободить плѣнниковъ нашихъ, въ 1839 году, по приказанію его, до 300 кибитокъ вышли къ Мангышлаку на разбой, и съ моря взято было болѣе 150 человекъ. Уже въ 1838 г. шайки Кайсаковъ пускались къ линиямъ нашимъ на хищничество, по подстрекательству Хивы; въ 1839 г. Ханъ разсылалъ Ясауловъ на Мангышлакъ, Бузачи къ устьямъ Эмбы, на Сыръ, а иные проникали и далѣе, съ письменными и словесными угрозами, вырѣзать всѣ рода, которые не отложатся отъ Россіи, и съ требованіемъ отъ ближнихъ племенъ вооруженныхъ всадниковъ. Всѣ распоряженія эти, какъ нынѣ уже достовѣрно извѣстно, были сдѣланы вовсе не съ намѣреніемъ объявить намъ открытую войну, а просто по хищническимъ обычаямъ этого народа, въ надеждѣ захватить гораздо болѣе Русскихъ, чѣмъ у насъ содержалось Хивинцевъ, и заставить размѣнять ихъ. Вообще во всѣхъ поступкахъ Хивинцевъ видна какая-то несообразность, нерѣшимость: Ханъ былъ въ недоумѣніи, при небываломъ случаѣ этомъ, съ самого начала, не вѣрилъ, по своимъ понятіямъ, искренности скромныхъ требованій нашихъ; а какъ человекъ крайне ограниченнаго ума, безо всякаго образованія, который привыкъ, сверхъ того, къ безотчетному самовластію, и никогда и никому не отдававшій отчета въ дѣйствіяхъ своихъ, и теперь не могъ рѣшиться уступить очевидной необходимости. Совѣты собирались у него по ночамъ, десять разъ рѣшили выдать Русскихъ, и чрезъ нѣсколько дней, опять передумать, рѣшили: попытаться еще разъ обмануть Русскихъ новымъ лживымъ письмомъ и общаніями.

Между тѣмъ привозный товаръ дорожалъ въ Хивѣ съ году на годъ, свой лежалъ безъ сбыту; на хлопчатую бумагу не было ни цѣнъ, ни покупателей. Но задержанные Хивинцы сидѣли уже съ 1836 года; сроки, данные Хану на исполненіе требованій нашихъ, давно минули, а новыя дерзости его требовали, наконецъ, угрозы болѣе дѣйствительныхъ. Только корысть, или страхъ, могутъ заставить Аллакула дѣйствовать, болѣе ничто на свѣтѣ.

Когда, такимъ образомъ, всѣ мѣры убѣжденій, всѣ доводы благоумія и справедливости, были истощены, когда одно только изувѣрство и грубое невѣжество отвѣчало на всѣ благонамѣренныя покушенія нашего Правительства, Государь Императоръ соизволилъ утвердить, 12 Марта, 1839 года, журналъ особаго Комитета, состоявшаго изъ Г. Вице-Канцлера, Г. Военнаго Министра и Оренбургскаго Военнаго Губернатора, о военномъ на Хиву поискѣ, дабы принудить Хана Хивы силою оружія: выдать всѣхъ Русскихъ и предоставить караванной торговлѣ нашей полную свободу; но препятствія стихійныя остановили посланный для этого отрядъ войскъ на пути, и, по невозможности проникнуть далѣе, войска, перезимовавъ на Эмбѣ, возвратились весною 1840 г. въ Оренбургъ.

И такъ предпріятіе было въ полной мѣрѣ неудачно; неудача эта могла поставить дѣло наше еще въ худшее противу прежняго положеніе, могла укрѣпить въ Ханѣ мысль о безсиліи Русскихъ, или, по крайней мѣрѣ, о силѣ Мусульманскаго святаго, хранящаго Хиву; но обстоятельства устроились иначе, и болѣе въ нашу пользу. Самая удача предпріятія могла поставить насъ въ послѣдствіи въ нѣкоторое затрудненіе, что дѣлать съ Хивою завоеванной? Какъ быть если Ханъ бѣжитъ заблаговременно, а въ послѣдствіи найдетъ довольно приверженцевъ, чтобы снова утвердиться на престолѣ? Напротивъ того, нынѣшнее окончаніе дѣла нельзя не признать, по крайней мѣрѣ, до времени, вполне удовлетворительнымъ.

Хивинская конница, встрѣтившая отрядъ, возвратилась пѣшкомъ, или на верблюдахъ, въ самомъ разстроенномъ, бѣдственномъ состояніи; значительная часть отряда погибла; зима была для нихъ также строга, какъ и для насъ. Хивинцы, послѣ 15 лѣтъ, въ первый разъ испытали Русское оружіе; въ то время, по крайней мѣрѣ

разграбленный купеческій караванъ заставилъ ихъ забыть урокъ свой и считать себя побѣдителями; нынѣ и этого не было: они напали на горсть напихъ, врасплохъ, и, кромѣ стыда неудачи и потери людей, не вынесли ничего. Свѣдѣнія о новыхъ приуготовленіяхъ, въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, для втораго похода, дошамъ до Хивы: страхъ, наведенный приближеніемъ нашихъ войскъ, оставался еще въ живой памяти; Хивинцы убѣдились, что дѣло завязалось уже нешуточное, что переговоровъ никакихъ не слушаютъ, а хотятъ перевѣдаться на дѣлѣ; здѣшніе Хивинцы, глядя на все это, писали домой убѣдительнѣе прежняго, и, вышедъ изъ терпѣнія, смѣлѣе; къ этому присоединилось еще одно обстоятельство съ начала непріятное, но послужившее много въ нашу пользу: чиновникъ пограничной Коммиссіи, посланный для сбора верблюдовъ за Нижнеуральскую линію, былъ захваченъ измѣннически Киргизами и переданъ, въ Генварѣ 1840 г., въ Хиву; изъ многихъ личныхъ распросовъ его Ханъ убѣдился, что, кромѣ выдачи Русскихъ, Правительство наше ничего не требуетъ; убѣдился также, что воля Государя должна исполниться. Поручикъ Аитовъ говорилъ смѣло и прямо, не только по дѣйствительной приверженности его къ своему правительству и правому дѣлу, но и для собственнаго своего спасенія; если бы Аллакулъ не рѣшился заключить миръ, то, конечно, не пощадилъ бы и попавшагося къ нему въ руки Русскаго Офицера. Наконецъ, и Англичане, прибывшіе изъ Герата, также склоняли Хана къ исполненію нашихъ требованій. Всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ рѣшили Хана перемѣнить вдругъ свой образъ дѣйствій, оставить всѣ неумѣстныя хитрости, происки и обманы и выдать Русскихъ. Сперва прибылъ гонецъ съ вѣстію объ этомъ и письмомъ Аитова, на которое посланъ дружескій отвѣтъ, посредствомъ двухъ отпущенныхъ Хивинцевъ, а потомъ, 18 Августа, 1840 г., прибылъ въ Оренбургъ и самъ Аитовъ съ двумя Русскими, а за нимъ отправленные на Новоалександровскъ обоюбого пола 416 человекъ съ посланцемъ Атаніазъ-Хаджи. Ханъ говоритъ при этомъ случаѣ въ письмѣ своемъ прямо, что, убѣдившись изъ словъ Аитова въ искренности требованій нашихъ, спѣшитъ ихъ исполнить и желаетъ мира. Кромѣ того, Ханъ разослалъ фирманъ со строгимъ запрещеніемъ

брать, или покупать, Русскихъ и вредить чѣмъ либо Россіи, запретилъ Туркменамъ разбойничать на морѣ и принудилъ главнаго предводителя шаекъ этихъ, Чабека, выдать перваго помощника его въ промыслѣ этомъ, бѣглаго изъ Астрахани солдата, который законванъ на Мангишлакѣ и доставленъ въ этомъ видѣ въ Оренбургъ. Плѣнники наши получили на дорогу по золотому (4 руб. серебромъ), по мѣшку муки и по верблюду на каждаго двухъ человѣкъ. Его Императорскому Величеству благоугодно было допустить посланца этого въ С. Петербургъ, откуда онъ, въ 1840 году, еще не возвратился. Хивинцы здѣшніе немедленно за тѣмъ были уволены, товары имъ выданы, неимущіе получили отъ казны пособіе, и всѣ немедленно, осенью 1840 года, отправились и прибыли домой; въ Оренбургѣ осталось только нѣсколько человѣкъ по собственнымъ своимъ дѣламъ. Въ Хивѣ радость была велика: огромныя толпы жителей выбѣжали къ нимъ далече на встрѣчу, и пустившіеся ими въ Хиву Русскіе купцы съ товарами, были приняты дружелюбно. Такимъ образомъ если поддержать нынѣ новую пріязнь эту, остаться въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ Хивою и содержать тамъ постоянно съ нашей стороны чиновника, то можно вполне надѣяться, что нынѣшній переломъ поведетъ къ лучшему. До этого времени Русскіе купцы никогда не осмѣливались ходить въ Хиву, а отнынѣ это можетъ, и должно, войти, въ употребленіе. 1-й гильдіи купецъ Деевъ, имѣющій много заслугъ по заготовленіямъ къ самой экспедиціи и снабженію отряда во время пути разными потребностями, показалъ и тутъ первый примѣръ — отправилъ въ Хиву Русскаго прикащика и на 60 тысячъ товаровъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Ханъ дѣйствуетъ теперь откровенно и честно: плѣнниковъ нашихъ выдано и выбѣжало изъ Хивы въ послѣдніе три года до 550 человѣкъ, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ можно бы полагать, что ихъ должно быть тамъ больше. Но, во 1-хъ, здѣсь самое событіе и вновь устроившіяся отношенія къ намъ Хивы, конечно, важнѣе собственно числительности выданныхъ ею Русскихъ; Ханъ выдалъ большое число ихъ и обязался не брать и не держать ихъ впредь. Во 2-хъ, по показаніямъ, отобраннымъ отъ всѣхъ возвратившихся, видно, что число оставшихся въ цѣломъ Хан-

ствѣ Русскихъ и Калмыкомъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ простираться до полусотни, даже едва ли до 30; ихъ, конечно, было взято въ разное время гораздо болѣе, но они умирали въ нуждахъ и бѣдствіи, и много ихъ погибало при неудачныхъ побѣгахъ. Между прочимъ умерло ихъ во время общей холеры, въ 1829 году, гораздо болѣе половины. Въ землѣ, гдѣ нѣтъ ни полицейскаго порядка, ни народной переписи, должны были остаться кой-гдѣ еще плѣнники въ безгласности, человекъ до десяти, бѣглецы, сами ни пожелали возвратиться, а иные остались по устраскѣ хозяевамъ; самъ Ханъ даже, послѣ многихъ тщетныхъ опытовъ уговорить пять человекъ любимцевъ своихъ, служившихъ при немъ, остаться, приказалъ было ихъ отравить, что, однако же, не удалось, но не посмѣлъ оставить ихъ у себя противъ воли. Доставка въ Генварѣ 1841 г. еще семи человекъ Русскихъ изъ Хивы, при особомъ посланцѣ, также неоспоримо свидѣтельствуетъ въ искренности заключеннаго мира, какъ и выдача закованнаго бѣглеца нашего съ Мангиплака.

Такимъ образомъ всѣ распоряженія, сдѣланныя по Высочайшей волѣ, для возобновленія похода противу Хивы въ возможно скорѣйшемъ времени, были въ послѣдствіи отмѣнены, дѣйствія Хивинцевъ относительно требованій нашихъ признаны удовлетворительными, имъ дарованъ былъ миръ, а всѣмъ болѣе или менѣе виновнымъ племенамъ Кайсацкимъ объявлено всепрощеніе, съ условіемъ, чтобы они отнынѣ поведеніемъ своимъ заслужили милость эту и кочевали у предѣловъ нашихъ спокойно. Отрядъ же, послыанный глѣтомъ 1840 года, подѣ начальствомъ Оберъ Квартирмейстера корпуса, для предварительныхъ развѣдокъ, возвратился благополучно чрезъ 4 мѣсяца, окончивъ все, на него возложенное.

Т е р ц ы.

СБОРНИКЪ.

ИСТОРИЧЕСКИХЪ, БЫТОВЫХЪ

И

ГЕОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ

О

ТЕРСКОМЪ КАЗАЧЬЕМЪ ВОЙСКѢ. ф. 31-26715

СОСТАВИЛЪ,

Войсковой Старшина А. РЖЕВУСКІЙ.

Владикавказъ.

Типографія Областнаго Правленія Терской Области.

1888.

Рен

Разсказъ гребенца Ивана Демушкина о по-
ходѣ Князя Бековича-Черкаскаго на Хиву
въ 1717 году. *)

«До Аму-Дарьи киргизы и трухмены дѣлали на насъ два большія нападенія, да мы ихъ оба раза какъ мякину по степи развѣяли.

Яицкіе казаки даже дивовались, какъ мы супротивъ длинныхъ киргизскихъ пикъ ихъ въ шашки ходили. А мы какъ понажмемъ поганныхъ халатниковъ, да погонимъ по кабардинскому, такъ они и пики свои по полю разбросаютъ; подберемъ мы эти шесты оберемками, да послѣ на дрова рубимъ и кашу варимъ.....

За одинъ переходъ отъ Хивы ханъ, наконецъ, замирися и просилъ остановить войска, а самого князя звалъ въ гости въ свой хивинскій дворецъ. Собравшись въ хану, Бековичъ взялъ съ собою нашихъ гребенскихъ казаковъ триста человекъ, у коихъ еще были лошади, и мы отправились, прибравшись въ новые чекмени и бешметы съ галу-

Въ поискахъ за торговымъ путемъ въ Индію, Петръ Великій снарядилъ войска подъ начальствомъ князя Александра Бековича-Черкаскаго, причемъ въ составъ этого отряда вошли 500 гребенскихъ и часть терскихъ казаковъ. Бековичъ выступилъ изъ Гурьева-городка въ іюнѣ 1717 года и направился по безводнымъ и непригоднымъ средне-азиатскимъ степямъ къ Хивинскому ханству. Исходъ этой экспедиціи былъ печаленъ. Отрядъ былъ извѣстнически уничтоженъ ордами предателя хана Ширъ-Гази, поклявшагося на коранѣ не поднимать большаго оружія противъ русскихъ и, пригласившаго кн. Бековича посѣтить Хиву. Немногіе изъ бойцовъ этого отряда вернулись на родину,—изъ нихъ: яицкій казакъ Емельяновъ, татаринъ Алтынъ, гребенской казакъ Бѣлотелкинъ и вожакъ похода туркменъ Хаджи-Нефесъ, осенью 1717 года, передъ сѣнатою и царемъ сообщили всѣ подробности гибели отряда. Гребенцы—Щедринскаго городка казакъ Петръ Стрѣлковъ и Червленнаго городка казакъ Иванъ Демушкинъ, перепроданные хивинцами въ рабство въ Персію, бѣжали оттуда и вернулись на Терекъ

номъ, а коней посѣдлали съ наборною сбруею. Хива городъ большой, обнесенный стѣной съ каланчами, да только улицы въ ней очень уже тѣсныя. У воротъ насъ встрѣтили знатнѣйшіе хивинскіе вельможи; они низко кланялись князю, а намъ съ усмѣшкой говорили: «черкесь-казакаъ явши, рака будемъ кушай». Ужь и дали они намъ рака, измѣнники треклятые, трусы подлые, что умѣютъ бить только лежачаго.

Справивши почетную встрѣчу, повели они насъ въ городъ, а тамъ у нихъ были положены двѣ засады за высокими глиняными заборами. Уличка, гдѣ эта ловушка была устроена и по которой мы шли, была узенькая и изгибалась какъ змѣя, такъ что мы проѣзжали по два и по три коня, и заднимъ совѣмъ не было видно переднихъ людей за этими кривулями.

Какъ только миновали мы первую засаду, она поднялась и запрудила дорогу переднимъ, и начала палить изъ пищалей. Наши остановились и не знаютъ впередъ ли, назадъ ли дѣйствовать, а въ это время показались новыя орды съ боковъ, и давай въ насъ жарить съ заборовъ, съ крышъ, съ деревьевъ и изъ оконъ домовъ. Вотъ въ какую западню мы втюрились. И не приведи Господи, какое тамъ началось побоище: пули и камни сыпались на насъ со всѣхъ сторонъ, и даже пиками трехсаженными донимали насъ — вотъ, какъ рыбу, что багрятъ зимой на Яикѣ.

Старшины и пятидесятники съ самаго начала крикнули: «съ коней долой, ружья въ руки!» а потомъ всѣ подають уже голосъ: «въ кучу молодцы, въ кучу!» А куда въ кучу, коли двумъ, тремъ человѣкамъ съ лошадьми и обернуться негдѣ. Бились въ растяжку, да и бились же не на животь, а на смерть, поколь ни одного человѣка не осталось на ногахъ. Раненые и тѣ отбивались лежаціе, не желая отдаваться въ полонъ хивинцамъ. Ни одинъ человѣкъ не вышелъ тогда изъ треклятой трущобы, всѣ тамъ полегли, а изверги издѣвались даже надъ казацкими тѣлами: отрѣзывали головы

и, вздѣвши ихъ на длинныя пики, носили по базарамъ. Самого Бековича схватили раненаго, поволокли во дворецъ и тамъ вымучили у него приказъ къ отряду, чтобы расходился малыми частями по разнымъ ауламъ. А когда войска разошлись такимъ глупымъ порядкомъ, то, въ тѣ поры, хивинцы однихъ побили, другихъ разобрали по рукамъ и повернули въ яссыри. Съ самаго Бековича, послѣ лютыхъ мукъ, съ живаго содрали кожу, приговаривая: «не ходи Девлетъ *) въ нашу землю, не отнимай у насъ Аму-Дарьи рѣки, не ищи золотыхъ песковъ.....»

*) Князь Бековичъ-Черкасскій былъ родомъ изъ кабардинскихъ князей и до св. крещенія носилъ имя Девлетъ-Гирей.